

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России

DOI: 10.21128/1812-7126-2018-3-136-150

ФЕВРАЛЬ • 2018

Постановление от 19 февраля 2018 года № 9-П по делу о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201802200001; дата опубликования: 20.02.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на социальное обеспечение; статус судей; принцип равенства; пенсионное обеспечение судей; правовой статус судей с ограниченными возможностями здоровья; отставка судьи.

Заявитель: Промышленный районный суд города Смоленска (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» и пункта 5 статьи 15 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» постольку, поскольку на их основании решается вопрос о праве на пенсионное обеспечение судьи, ставшего в период осуществления полномочий инвалидом вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения им права на ежемесячное пожизненное содержание ушедшего в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи. В части оспаривания конституционности пункта 7 статьи 20

Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» производство по делу подлежит прекращению на основании пункта 2 статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения вступают в противоречие с частями 1 и 2 статьи 19 и частями 1 и 2 статьи 39 Конституции РФ, поскольку не гарантируют судьям, ставшим в период осуществления полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедшим в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, пенсионное обеспечение в размере, соотносимом с ежемесячным денежным вознаграждением судьи.

Итоговый вывод решения: признать не соответствующими Конституции РФ взаимосвязанные положения части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» и пункта 5 статьи 15 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в той мере, в какой в системе действующего

правового регулирования установленный ими правовой механизм не гарантирует судьям, ставшим в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедшим в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, пенсионное обеспечение в размере, соотносимом с утраченным доходом в виде заработной платы (ежемесячного денежного вознаграждения) судьи, на условиях, определяемых с учётом его конституционно-правового статуса.

Федеральному законодателю надлежит незамедлительно определить условия и порядок пенсионного обеспечения судей, ставших в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедших в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, с тем чтобы гарантировать им надлежащую социальную защиту как лицам, обладающим особым конституционно-правовым статусом.

Действующий порядок пенсионного обеспечения судей, ставших в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедших в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, применяется до исполнения федеральным законодателем настоящего Постановления.

Мотивы решения. Предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, общество и государство — в силу признания конституционного статуса судьи средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием, — вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия (см.: *постановления от 19 февраля 2002 года № 5-П, от 31 января 2008 года № 2-П и от 20 апреля 2010 года № 9-П*). Такие гарантии должны включать и предоставление судье за счёт государства материального и социального обеспечения, обусловленного предъявляемыми к судье требованиями и установленными для него запретами и ограничениями, предопределёнными спецификой профессиональной деятельности.

Для судей установлен специальный правовой механизм, который гарантирует им достойное и

согласующееся с их высоким статусом пенсионное обеспечение. Действующее законодательство, определяя условия и порядок предоставления ежемесячного пожизненного содержания, не учитывает такого обстоятельства, как установление судье инвалидности, исключающей возможность продолжения судейской деятельности. Соответственно, специальный механизм пенсионного обеспечения судей не предусматривает предоставления тем из них, которые стали инвалидами вследствие заболевания, не связанного с осуществлением служебной деятельности, выплат, соотносимых с утраченным ежемесячным денежным вознаграждением по должности судьи. Размер страховой пенсии по инвалидности судье в отставке определяется без учёта его заработной платы (ежемесячного денежного вознаграждения), а сам он при назначении пенсии в системе обязательного пенсионного страхования ставится в худшее по сравнению с застрахованными лицами положение, поскольку периоды работы в должности судьи оцениваются, как правило, аналогично периодам, в которые трудовая деятельность по уважительным причинам не осуществлялась. Вместе с тем судья, который в период исполнения обязанностей получил заболевание, повлёкшее инвалидность, и оказался вследствие этого обстоятельства в сложной жизненной ситуации, вправе в силу своего конституционно-правового статуса, включающего особые требования и ограничения, рассчитывать на поддержку государства и соответствующее социальное обеспечение, учитывающее как его статус, так и размер заработной платы (ежемесячного денежного вознаграждения).

Таким образом, судье, ставшему в период осуществления своих полномочий инвалидом вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения им права на ежемесячное пожизненное содержание ушедшему в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, вопреки конституционным принципам равенства и справедливости, в нарушение частей 1 и 2 статьи 19, частей 1 и 2 статей 39, части 1 статьи 118 и части 1 статьи 120 Конституции РФ не гарантируется пенсионное обеспечение по инвалидности в размере, соотносимом с утраченным доходом в виде заработной платы (ежемесячного денежного вознаграждения) судьи на условиях, определяемых с учётом его конституционно-правового статуса.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Бангалорские принципы поведения судей (одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 года) (пункты 4.2, 6.7).

Постановление от 19 февраля 2018 года № 10-П по делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статей 1102 и 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201802280005; дата опубликования: 28.02.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: достоинство личности; право на социальное обеспечение; принцип равенства; правовой статус судей с ограниченными возможностями здоровья; пенсия по инвалидности; меры социальной защиты; медико-социальная экспертиза.

Заявитель: гражданка Н. Н. Горностаева (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункты 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статьи 1102 и 1109 ГК РФ постольку, поскольку на основании содержащихся в них законоположений решается вопрос о взыскании с гражданина, признанного инвалидом, полученных им сумм пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты в случае, когда представленные для получения соответствующих мер социальной защиты справки, составленные по итогам медико-социальной экспертизы, признаны недействительными вследствие процедурных нарушений, допущенных при проведении такой экспертизы.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения противоречат статье 15, части 1 статьи 17, частям 1 и 2 статьи 19, части 1 статьи 21, статьям 39, 45, части 1 статьи 46, части 1 статьи 49 и части 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, эти законоположения позволяют взыскивать с гражданина — без установления признаков недобросовестности или противоправности в его действиях — ранее полученные им суммы пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты только на том основании, что при проведении повторной медико-социальной экспертизы выявлены допущенные в ходе ранее проведенной медико-социальной экспертизы процедурные нарушения и в связи с этим признаны недействительными выданные гражданину документы (справки) об установлении инвалидности, необходимые для назначения пенсии и выплат.

Итоговый вывод решения: признать положения пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статей 1102 и 1109 ГК РФ не противоречащими

Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу они не могут служить основанием для взыскания с гражданина, признанного инвалидом, полученных им сумм пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты, в случае если представленная им для получения названных выплат справка об установлении инвалидности, составленная по результатам медико-социальной экспертизы, признана недействительной вследствие наличия лишь формальных (процедурных) нарушений, допущенных при её проведении, притом что такие нарушения не повлияли (не могли повлиять) на оценку ограничений жизнедеятельности освидетельствуемого гражданина и не обусловлены недобросовестностью (противоправностью) с его стороны.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя на основании оспариваемых положений в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Пенсионное обеспечение, а также предоставление мер социальной поддержки в связи с инвалидностью, способствующих преодолению, замещению (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание инвалидам равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества, осуществляются на основе признания лица инвалидом в порядке, предусмотренном законодательством, что предполагает проведение медико-социальной экспертизы. Проведение такой экспертизы составляет обязанность уполномоченной организации — учреждения медико-социальной экспертизы, от ошибок которого, в частности формально-процедурного характера, допущенных в том числе на стадии получения необходимых документов для проведения освидетельствования и не влияющих на результат оценки ограничений жизнедеятельности, вызванных стойким расстройством функций организма, не должен страдать гражданин, которому была назначена и выплачивалась пенсия по инвалидности — при условии отсутствия в его действиях признаков недобросовестности (противоправности) (см.: *Определение от 19 мая 2009 года № 541-О-О и др.*).

Учреждение медико-социальной экспертизы несёт ответственность как за существование принятого решения, так и за соблюдение предусмотренного законом порядка признания граждан инвалидами, включая проверку представления необходимых для проведения экспертизы документов. При этом его решение о признании гражданина инвалидом, оформленное справкой об установлении инвалидности, является обязательным для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности. Правоприменительные органы, уполномоченные на вынесение решений, связанных с реализацией гражданами их пенсионных прав, обязаны основываться на всестороннем исследовании фактических обстоятельств, включая оценку достоверности соответствующих сведений, обеспечивая тем самым реализацию конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Гражданин, которому назначены пенсия по инвалидности и ежемесячная денежная выплата, не может ставиться перед безусловной необходимостью претерпевать всю полноту неблагоприятных последствий в случаях, если впоследствии выявляется незаконность принятого в отношении него решения, в том числе в связи с признанием представленной им справки об установлении инвалидности недействительной, — безотносительно к характеру нарушений, допущенных учреждением медико-социальной экспертизы, притом что сами эти нарушения не являются следствием противоправных действий гражданина. Возложение на гражданина, проходящего медико-социальную экспертизу по направлению медицинской организации, пенсионного органа или органа со-

циальной защиты либо без направления, по собственной инициативе, ответственности при нарушении работниками учреждения медико-социальной экспертизы процедуры принятия решения означало бы, по существу, вменение ему в обязанность контролировать их действия, притом что в рамках легальной процедуры проведения такой экспертизы он не может оказать влияние на принятие соответствующим учреждением того или иного решения.

Соответственно, судебные органы, рассматривая в каждом конкретном деле вопрос о наличии оснований для взыскания денежных сумм, обязаны, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий применения взыскания, исследовать по существу фактические обстоятельства дела, свидетельствующие о наличии либо отсутствии признаков недобросовестности (противоправности) в действиях лица, которому была назначена пенсия (см.: *постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П и др.*). Иной подход приводил бы к нарушению вытекающих из Конституции РФ принципов справедливости, правовой определённости и поддержания доверия граждан к действиям государства, препятствуя достижению баланса частных и публичных интересов, и в конечном итоге — к несоразмерному ограничению конституционного права на социальное обеспечение.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о правах инвалидов (принята 13 декабря 2006 года Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН) (пункт 1 и подпункт «е» пункта 2 статьи 28).

МАРТ • 2018

Постановление от 16 марта 2018 года № 11-П по делу о проверке конституционности положения части четвёртой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201803200013; дата опубликования: 20.03.2018).

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: социальная защита граждан, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы, и членов их семей;

право на ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров; принцип правовой определённости; принцип равенства.

Заявитель: гражданка В. Н. Фомина (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 4 статьи 14 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» постольку, поскольку на её основании решается вопрос об установлении членам семей умерших инвалидов-чернобыльцев, находившимся на их иждивении, ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение позволяет правоприменительным органам отказывать в назначении членам семьи умершего инвалида-чернобыльца ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров ввиду отсутствия у них при жизни умершего права на эту выплату, что противоречит Конституции РФ, её статьям 2, 7, 10, 15 (части 1 и 2), 17 (части 1 и 2), 18, 19 (часть 2), 39 (части 1 и 2), 42, 45, 53 и 55.

Итоговый вывод решения: признать положение части 4 статьи 14 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» не соответствующим Конституции РФ, её статьям 19 (части 1 и 2), 39 (часть 1) и 42, в той мере, в какой его предписания в силу неопределённости их нормативного содержания допускают в системе действующего правового регулирования различный подход к установлению ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров членам семей умерших инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы, если при жизни кормильцев эта выплата им не предоставлялась.

Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции РФ и с учётом правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении, — незамедлительно принять меры по устранению неопределённости нормативного содержания указанного законоположения.

Правоприменительные решения, принятые по делу гражданки В. Н. Фоминой на основании оспариваемого законоположения, подлежат пересмотру после приведения положений названного Закона в соответствие с Конституцией РФ во исполнение настоящего Постановления.

Мотивы решения. Оспариваемые законоположения в их взаимосвязи толкуются правоприменительными органами как наделяющие правом на ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров только тех членов семей умерших граждан из числа получивших или перенёсших лучевую болезнь и другие заболевания, связанные с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы, ин-

валидов вследствие чернобыльской катастрофы, которые получали данную выплату при жизни кормильца. Подобный подход нашёл отражение в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 января 2016 года № 5-КГ15-125. Между тем ранее Верховный Суд РФ удовлетворял аналогичные требования о назначении данной выплаты независимо от фактора её получения при жизни кормильца.

Расходятся правоприменительные органы во мнениях и по вопросу определения размера ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров, устанавливаемой членам семей инвалидов-чернобыльцев, который не получил чёткого законодательного разрешения.

Ежемесячная денежная компенсация на приобретение продовольственных товаров, входящая в объём возмещения вреда, причинённого здоровью вследствие воздействия радиационного излучения, призвана компенсировать потерпевшим дополнительные расходы на приобретение продовольственных товаров в пределах суммы, определённой законодателем (см.: *Определение от 2 апреля 2009 года № 476-О-П*). Данный вывод подтверждается тем, что первоначально социальная защита, направленная на обеспечение доступности для инвалидов-чернобыльцев полноценного рационального питания в условиях продовольственного дефицита предоставлялась в натуральной форме (за половину стоимости). В дальнейшем — с изменением социально-экономических условий — законодателем было принято решение о предоставлении этой меры социальной защиты в денежной форме, что позволяло её получателям свободно распоряжаться соответствующей денежной суммой, расходуя её не только на приобретение продовольственных товаров, но и на другие цели.

Такое изменение в правовом регулировании породило в правоприменительной практике сомнения относительно наличия прямой целевой связи между ежемесячной компенсацией на приобретение продовольственных товаров и восстановлением здоровья инвалидов-чернобыльцев, особенно с учётом того, что Законом РФ от 18 июня 1992 года № 3061-1, которым Закон РСФСР от 15 мая 1991 года № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» был изложен в новой редакции, право на получение данной выплаты было предоставлено не только самим гражданам из числа получивших или перенёсших лучевую болезнь и другие заболевания, связанные с радиационным воздействием вследствие черно-

быльской катастрофы, инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы, но и проживающим с ними детям, не достигшим возраста 14 лет. В результате члены семей инвалидов-чернобыльцев стали рассматриваться как сохраняющие право на ежемесячную компенсацию на приобретение продовольственных товаров лишь при условии, что они получали её при жизни кормильца, безотносительно к тому, что инвалид-чернобылец при жизни мог расходовать причитающиеся лично ему средства, составляющие данную выплату, на семейные нужды.

Поскольку при реализации предписаний оспариваемого законоположения — в силу неопределённости их нормативного содержания в системе действующего правового регулирования — допу-

скается возможность принятия прямо противоположных решений по вопросу об установлении ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров членам семей инвалидов-чернобыльцев, не получавшим данную выплату при жизни кормильца, социальная поддержка граждан, относящихся к одной категории — членов семей умерших инвалидов-чернобыльцев, нуждающихся в социальной защите в связи со смертью кормильца, предоставляется в разном объёме. Тем самым нарушается конституционный принцип равенства, означающий, помимо прочего, запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковой или сходной ситуации, что противоречит Конституции РФ, её статьям 19 (части 1 и 2), 39 (часть 1) и 42.

Постановление от 22 марта 2018 года № 12-П по делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201803230017; дата опубликования: 23.03.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на свободу и личную неприкосновенность; уголовный процесс; меры пресечения; домашний арест.

Заявитель: гражданин С. А. Костромин (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: части 1 и 3 статьи 107 УПК РФ постольку, поскольку на их основании решается вопрос об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 22 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ той мере, в какой ими допускается избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, при отсутствии условий для избрания в отношении такого лица меры пресечения в виде заключения под стражу, предусмотренных частью 1 статьи 108 УПК РФ.

Итоговый вывод решения: признать части 1 и 3 статьи 107 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что избрание меры пресе-

чения в виде домашнего ареста в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, допускается лишь в случае, если за это преступление в соответствии с положениями Общей и Особенной частей УК РФ, в том числе с частью 1 его статьи 56, в качестве наиболее строгого вида наказания может быть назначено лишение свободы, либо при наличии предусмотренных частью 1 статьи 108 того же Кодекса исключительных случаев для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, при которых домашний арест в принципе может быть применен.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина С. А. Костромина, если они основаны на оспариваемых законоположениях в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Применение меры пресечения в виде домашнего ареста на основе уголовно-процессуальных норм, как действовавших до 1 января 2012 года, так и действующих в настоящее время, связано с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения трудовых (служебных) обязанностей, невозможностью свободного передви-

жения и общения с широким кругом лиц, то есть с ограничением самого конституционного права на свободу и личную неприкосновенность. Соответственно, выраженная в сохраняющем свою силу Постановлении от 6 декабря 2011 года № 27-П правовая позиция о необходимости применения таких мер пресечения, как домашний арест и заключение под стражу, с соблюдением предусмотренных Конституцией РФ гарантий обеспечения данного права, схожих между собою по своим существенным характеристикам, и принципов юридического равенства и формальной определенности правовых норм, справедливости и соразмерности устанавливаемых судом ограничений в полной мере распространяется на решение вопроса об избрании и применении меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести. При этом схожесть указанных конституционных гарантий не означает необходимость идентичности условий применения домашнего ареста и заключения под стражу, поскольку ими по-разному ограничивается право на свободу и личную неприкосновенность.

Как следует из пункта 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41, порядок принятия решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста аналогичен предусмотренному статьёй 108 УПК РФ порядку избрания в качестве таковой заключения под стражу, но условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены её частью 1 для применения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются, поскольку они не предусмотрены статьёй 107 данного Кодекса. Сама по себе дифференциация мер пресечения, избираемых в отношении подозреваемых и обвиняемых с учётом тяжести выдвинутого подозрения и обвинения, в том числе позволяющая применять домашний арест в уголовных делах о преступлениях небольшой тяжести более широко, чем заключение под стражу, направлена на обеспечение требований справедливости, соразмерности ограничения прав и свобод, соблюдения баланса частных и публичных интересов при производстве по уголовному делу.

Учитывая, что домашний арест является более гуманной мерой пресечения по сравнению с заключением под стражу (лицо содержится под домашним арестом в жилом помещении, в котором оно проживает, не изолируется от совместно проживающих с ним лиц; запреты и ограничения, установленные частью 7 статьи 107 УПК РФ, могут быть наложены на него как полностью, так и выборочно), такая мера может применяться к по-

дозреваемым, обвиняемым в совершении преступлений небольшой тяжести, к которым заключение под стражу обычно неприменимо. Однако избрание лицу домашнего ареста допустимо лишь при условии обеспечения в конкретном деле соразмерности данной меры пресечения целям её применения, а значит, по общему правилу, должно соотноситься с возможностью назначения лицу уголовного наказания в виде лишения свободы.

Хотя до постановления приговора (иного итогового решения по делу) установление отягчающих обстоятельств, как и установление других подлежащих доказыванию обстоятельств, перечисленных в статье 73 УПК РФ, является предварительным, признаки наличия отягчающих наказание обстоятельств могут быть обнаружены и на той стадии производства по делу, когда решается вопрос о применении меры пресечения. Часть 3 статьи 107 УПК РФ предписывает применять домашний арест в качестве меры пресечения по решению суда в порядке, установленном статьёй 108 данного Кодекса, часть 3 которой, в свою очередь, требует от должностного лица органа предварительного расследования изложить в постановлении о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения, а также приложить к постановлению материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Суд, рассматривающий на основании статьи 107 УПК РФ соответствующее ходатайство должностного лица органа предварительного расследования, учитывает, как того требует статья 99 данного Кодекса, тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства и, не предвещая вопрос о его виновности в совершении преступления, избирает меру пресечения в виде домашнего ареста, устанавливая те или иные ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, или же продлевает срок её действия лишь при соблюдении конституционных принципов справедливости, презумпции невиновности и соразмерности устанавливаемых ограничений предусмотренному уголовным законом наказанию в виде лишения свободы.

Если же представленные суду должностным лицом органа предварительного расследования сведения, послужившие основанием для применения в отношении подозреваемого, обвиняемого домашнего ареста в качестве меры пресечения, на момент принятия такого решения не свидетель-

ствовали о наличии нормативной возможности назначения ему наказания в виде лишения свободы, что было подтверждено ходом дальнейшего рассмотрения уголовного дела, за этим подозреваемым, обвиняемым, по смыслу правовой позиции, выраженной в Постановлении от 16 июля 2015 года № 23-П, может быть признано право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ.

В то же время могут иметь место случаи, когда отступление от общего правила применения домашнего ареста лишь при нормативной возможности назначения подозреваемому, обвиняемому наказания в виде лишения свободы допустимо, если оно обусловлено такими обстоятельствами, в которых без использования, по крайней мере, данной меры пресечения задачи уголовного судопроизвод-

ства с высокой долей вероятности не будут выполнены. Именно для таких исключительных случаев в УПК РФ предусматривается возможность применения мер пресечения, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, даже притом что, по общему правилу, оно не допускается. Применение домашнего ареста — с учётом более гуманного (менее строгого) характера данной меры пресечения по сравнению с заключением под стражу и с учётом возможности наложения запретов и ограничений, установленных частью 7 статьи 107 УПК РФ, не полностью, а выборочно — в тех случаях, когда применение лишения свободы за преступление небольшой тяжести невозможно, но имеются такие исключительные обстоятельства, не противоречило бы его природе.

Постановление от 27 марта 2018 года № 13-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201803290002; дата опубликования: 29.03.2018)

Правовые категории в Постановлении: социальное государство; социальное обеспечение; федеративное устройство; меры социальной поддержки многодетных семей; материнский (семейный) капитал; обратная сила закона; принцип самостоятельности бюджетов субъектов РФ; принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Заявитель: гражданка М. С. Колесникова (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» постольку, поскольку установленное им правовое регулирование (признание утратившими силу пункта 1 части 1 статьи 3, части 1 статьи 4 и статьи 5 Закона Ставропольского края «О мерах социальной поддержки многодетных семей») служит основанием для решения вопроса о возможности предоставления материнского (семейного) капитала за счёт средств субъекта РФ многодетной семье, в которой третий ребёнок или последующие дети родились в период с 1 января 2011 года по 31 декабря 2015 года.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение нарушает право на социальное обеспечение, закреплённое частью 1 статьи 39 Конституции РФ, и гарантии, вытекающие из частей 2 и 3

статьи 55 Конституции РФ, в той мере, в какой оно, отменяя право на получение материнского (семейного) капитала, приобретённое многодетной семьёй в соответствии с ранее действовавшим законодательством, придаёт закону обратную силу и лишает тем самым такую семью данной меры социальной поддержки.

Итоговый вывод решения: признать пункт 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой установленное им правовое регулирование принято в рамках дискреционных полномочий законодателя субъекта РФ и согласуется с правовой природой материнского (семейного) капитала как дополнительной меры социальной поддержки, предоставляемой многодетным семьям за счёт собственных средств субъекта РФ.

Признать пункт 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» не соответствующим статье 2, части 2 статьи 7 и части 1 статьи 38 Конституции РФ в той мере, в какой он, исключая материнский (семейный) капитал из числа мер социальной поддержки, предоставляемых многодетным семьям Ставропольского края, не предусматривает ка-

кой-либо компенсаторный механизм, позволяющий смягчить неблагоприятные последствия отмены данной выплаты для тех семей, в которых третий ребёнок или последующие дети родились в период с 1 января 2011 года по 31 декабря 2015 года.

Законодателю Ставропольского края надлежит в шестимесячный срок внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из Постановления. После внесения в законодательство Ставропольского края необходимых изменений, вытекающих из Постановления, гражданка Колесникова Марина Сергеевна вправе обратиться за получением соответствующих компенсаций, установленных в рамках нового правового регулирования.

Мотивы решения. Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства предполагает наличие правовых механизмов, которые обеспечивали бы институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики РФ на конкретно-историческом этапе, а также уровню экономического развития и финансовым возможностям государства (см.: *постановления от 22 марта 2007 года № 4-П, от 15 декабря 2011 года № 28-П, от 6 декабря 2012 года № 31-П и др.*).

В силу принципа самостоятельности бюджетов формы и направления расходования средств бюджета субъекта РФ, в том числе на меры по защите семьи, материнства, отцовства и детства, определяются субъектами РФ самостоятельно, но при этом они не только вправе, но и обязаны самостоятельно обеспечивать сбалансированность собственных бюджетов и эффективность использования бюджетных средств, а также соблюдать баланс социально значимых интересов, целей и задач, в том числе принимать во внимание социально-экономическое положение субъекта РФ.

Устанавливая полномочия органов государственной власти субъектов РФ в сфере социальной защиты семей, имеющих детей (в том числе многодетных семей), федеральный законодатель предоставил субъектам РФ право вводить для таких семей за счёт средств собственных бюджетов дополнительные меры социальной помощи и социальной поддержки, которые могут дополнять льготы, гарантии и иные социальные меры, предоставляемые им в соответствии с федеральным законодательством.

По своей правовой природе материнский (семейный) капитал в Ставропольском крае являлся дополнительной мерой социальной поддержки многодетных семей, введённой субъектом РФ, право на которую непосредственно из Конститу-

ции РФ не вытекает, а её установление, будучи направлено на создание благоприятных условий для воспитания детей в многодетных семьях с учётом задач социально-экономической политики государства, включая улучшение демографической ситуации, зависит от финансовых возможностей конкретного субъекта РФ. При этом заинтересованные граждане были вправе рассчитывать на реальную возможность получения материнского (семейного) капитала, тем более имея в виду его относительно большой размер по сравнению с другими мерами социальной поддержки многодетных семей.

Сама по себе осуществлённая в рамках дискреционных полномочий законодателя субъекта РФ (в данном случае — Ставропольского края) отмена одной из установленных им мер социальной поддержки многодетных семей, принимая во внимание её правовую природу, не вступает в противоречие с предписаниями Конституции РФ при условии соблюдения в законодательном процессе требований законодательства Ставропольского края. Однако при изменении или отмене ранее установленных мер социальной поддержки законодатель субъекта РФ обязан соблюдать принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства (см.: *постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 29 января 2004 года № 2-П, от 20 апреля 2010 года № 9-П, от 27 марта 2012 года № 8-П, от 1 июля 2015 года № 18-П и др.*). Следовательно, законодатель субъекта РФ должен находить баланс конституционно значимых ценностей, публичных и частных интересов, а если, с учётом состояния бюджета субъекта РФ, это оказывается объективно невозможным, — по крайней мере, максимально смягчить негативные последствия для лиц, имевших основанные на законодательном регулировании ожидания и рассчитывавших на получение соответствующих мер социальной поддержки. Иное не только противоречило бы природе социального государства, но и расходилось бы с вытекающим из Конституции РФ и обращённым к органам публичной власти требованием обеспечения признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, которые определяют смысл, содержание и применение законов.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года (статья 10); Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) (пункт 2 статьи 3, пункты 1–3 статьи 27); Европейская социальная хартия от 3 мая 1996 года (статья 16).

Постановление от 30 марта 2018 года № 14-П по делу о проверке конституционности части 3 статьи 43 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201804030045; дата опубликования: 03.04.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: охрана окружающей среды; поддержание экологической безопасности; принцип приоритета публичных интересов; использование природных ресурсов; правовая определённость; правовое государство.

Заявитель: некоммерческое партнёрство «Спортивно-охотничий клуб “Румелко-Спортинг”» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 3 статьи 43 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» постольку, поскольку на её основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о субъекте, обязанном приобретать лекарственные средства ветеринарного назначения для проведения противоэпизоотических мероприятий по защите охотничьих ресурсов от болезней в закреплённых за юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями охотничьих угодьях.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение противоречит статье 8, части 1 статьи 19, части 3 статьи 35 и части 3 статьи 55 Конституции РФ в той мере, в какой оно в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, безусловно освобождает государство (его органы) от бремени финансирования соответствующих публично значимых функций, позволяет возлагать обязанность по приобретению лекарственных средств ветеринарного назначения (вакцины) для проведения противоэпизоотических мероприятий по защите охотничьих ресурсов от болезней в закреплённых охотничьих угодьях на частных лиц, заключивших охотхозяйственные соглашения.

Итоговый вывод решения: признать часть 3 статьи 43 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не соответствующей части 1 статьи 9, частям 1 и 2 статьи 19, части 1 статьи 34, статьям 42 и 58 Конституции РФ, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределённость её нормативного содер-

жания порождает возможность неоднозначного решения вопроса о субъекте, обязанном приобретать лекарственные средства ветеринарного назначения для проведения противоэпизоотических мероприятий по защите охотничьих ресурсов от болезней в закреплённых охотничьих угодьях, и тем самым допускает произвольное возложение данной обязанности на различных участников отношений в сфере охотничьего хозяйства и сохранения охотничьих ресурсов.

Федеральному законодателю надлежит незамедлительно принять меры по устранению неопределённости нормативного содержания признанного неконституционным положения.

Впредь до внесения в законодательство об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов необходимых изменений приобретение лекарственных средств ветеринарного назначения для проведения противоэпизоотических мероприятий по защите охотничьих ресурсов от болезней в закреплённых охотничьих угодьях должно осуществляться в соответствии со статьями 3 и 5 Закона РФ «О ветеринарии» органами государственной власти за счёт бюджетных средств.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя на основании признанного неконституционным положения, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Одним из основных принципов государственной политики и правового регулирования в сфере охраны окружающей среды и поддержания экологической безопасности является принцип приоритета публичных интересов (см.: *постановления от 14 мая 2009 года № 8-П, от 5 марта 2013 года № 5-П, от 2 июня 2015 года № 12-П и от 25 июня 2015 года № 17-П*). Принимая во внимание значение сохранения природы и окружающей среды в качестве одной из основ конституционного строя Российской Федерации и одновременно глобальной задачи человечества, получившей официальное международное признание, законодательное регулирование отношений в области охоты и ведения охотничьего хозяйства должно быть направлено на соблюдение баланса интересов субъектов охотхозяйственной деятельности и интересов человека и общества в целом в обеспечении экологического благополучия, на эффективную защиту природ-

ных ресурсов и окружающей среды от негативно-го воздействия, оказываемого на них различными видами предпринимательской деятельности во исполнение предписаний Конституции РФ.

Императивные требования бережного отношения к охотничьим ресурсам и сохранения их биологического разнообразия, обеспечения мероприятий по сохранению охотничьих ресурсов устойчивого существования и разумного использования животного мира, восстановления и развития естественной среды его обитания не означают возложения на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, заключивших охотхозяйственные соглашения, всей ответственности за проведение соответствующих мероприятий на территории закреплённых охотничьих угодий и не освобождают от участия в них органы государственной власти, что находит своё подтверждение в действующем правовом регулировании.

Как показывает ознакомление с позициями государственных органов, наделённых полномочиями по принятию, одобрению, подписанию и обнародованию федеральных законов, высших исполнительных и судебных органов, отсутствует единство мнений относительно действительного юридического значения оспариваемого положения в вопросе о субъекте, обязанном приобретать лекарственные средства ветеринарного назначения для проведения противозoonотических мероприятий по защите охотничьих ресурсов от болезней в закреплённых за юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями охотничьих угодьях. Двойственный подход к интерпретации оспариваемых положений влечёт за собой серьёзные издержки в правоприменении, не поддающиеся

исправлению посредством конституционно-правового истолкования, что не отвечает принципам правового государства, верховенства права и равенства перед законом, закреплённым в Конституции РФ.

В случаях, когда толкование нормы права официальными актами государственных, в том числе судебных, органов не устраняет — вследствие фактической легализации правоприменительной практикой различных вариантов её интерпретации — неясность правового регулирования, при решении вопроса о том, какой из этих вариантов предпочтителен для определения прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений, необходимо руководствоваться конституционными принципами равенства и справедливости, а также требованиями формальной определённости правовых норм, с тем чтобы избежать отступления от универсальных начал законодательного регулирования и правоприменения (см.: *постановления от 23 декабря 2013 года № 29-П и от 25 июня 2015 года № 17-П*). Но если взаимоисключающие варианты толкования одной и той же нормы оказываются не лишёнными разумного юридического обоснования, наиболее корректным, если не единственно возможным, способом выявления реального содержания и значения установленного законодателем правового регулирования является — во исполнение принципа разделения властей — законодательное уточнение соответствующих нормативных положений.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 года) (статьи 1 и 2).

АПРЕЛЬ • 2018

Постановление от 17 апреля 2018 года № 15-П по делу о проверке конституционности положений подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201804190016; дата опубликования: 19.04.2018)

Правовые категории в Постановлении: воинская обязанность; воинская служба; право на отсрочку от призыва на военную службу; социальное государство; право на образование; принцип равенства.

Заявители: гражданин П. А. Спиридонов, Бугульминский городской суд Республики Татарстан (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» постольку, поскольку на их основании решается вопрос о возможности предоставления отсрочки от призыва на военную службу гражданам, обучающимся по очной форме обучения в образовательных организациях и научных организациях по име-

ющим государственную аккредитацию программам магистратуры, если эти граждане не имеют диплома специалиста или диплома магистра и поступили на обучение по программам магистратуры в год получения высшего образования по программам бакалавриата.

Позиция заявителей: оспариваемые законоположения нарушают части 1 и 2 статьи 19, части 1 и 3 статьи 43 Конституции РФ, поскольку не позволяют призывникам, не имеющим диплома специалиста или диплома магистра и поступившим в год получения высшего образования по программам бакалавриата на обучение по программам магистратуры, воспользоваться отсрочкой от призыва на военную службу на период обучения по программам магистратуры, что лишает возможности после получения высшего образования по программе бакалавриата непрерывно и незамедлительно, в тот же год, продолжить обучение по программе магистратуры, исключительно по той причине, что дата их совершеннолетия, которая законом признаётся моментом достижения призывного возраста, наступила в период обучения в общеобразовательной организации, в связи с чем они были вынуждены реализовать право на первую отсрочку от призыва на военную службу для завершения получения среднего общего образования.

Итоговый вывод решения: признать положения подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» не соответствующими части 3 статьи 17, частям 1 и 2 статьи 19, частям 1 и 3 статьи 43, части 3 статьи 55 и частям 1 и 2 статьи 59 Конституции РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования эти положения, устанавливая систему отсрочек от призыва на военную службу для граждан, обучающихся по очной форме обучения, обуславливают предоставление отсрочки от призыва на военную службу гражданам, которые не имеют диплома специалиста или диплома магистра и поступили на обучение в образовательные организации или научные организации по имеющим государственную аккредитацию программам магистратуры в год получения высшего образования по программам бакалавриата, тем, воспользовались ли такие граждане отсрочкой от призыва на военную службу при обучении в организации, осуществляющей образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего общего образования, и лишают возможности получить отсрочку от призыва на военную службу в связи с обучением по программам магистратуры тех из них, кто освоил образовательные

программы среднего общего образования в пределах сроков его получения, установленных федеральными государственными образовательными стандартами, но вынужден был воспользоваться соответствующей отсрочкой для завершения обучения в общеобразовательной организации и прохождения итоговой аттестации, завершающей освоение образовательных программ среднего общего образования.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из Постановления.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из Постановления, правоприменительные органы не должны учитывать факт предоставления отсрочки от призыва на военную службу в соответствии с абзацем вторым подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» гражданину, обучающемуся по очной форме обучения в образовательной организации или научной организации по имеющим государственную аккредитацию программам магистратуры, если он не имеет диплома специалиста или диплома магистра и поступил на обучение по программам магистратуры в год получения высшего образования по программам бакалавриата.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя П. А. Спиридонова на основании признанного неконституционным положения, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Отсрочка от призыва на военную службу в связи с обучением в организации, осуществляющей образовательную деятельность, является, с одной стороны, установленной законом гарантией конституционного права на образование, а с другой — составным элементом также установленного законом порядка реализации конституционной обязанности несения военной службы для определённых категорий граждан, притом что само предоставление отсрочки не означает освобождения от военной службы по призыву (см.: *Постановление от 21 октября 1999 года № 13-П*). Федеральный законодатель в рамках реализации своих дискреционных полномочий — притом что Конституция РФ не гарантирует получение высшего образования как обязательного и, соответственно, не обуславливает необходимость установления для лиц, получающих высшее образование, отсрочек от призыва на военную службу — предоставил гражданам возможность завершить высшее образование, не будучи призванными на военную службу. Однако эта возможность в части получения высшего образования по про-

граммам магистратуры ограничена числом отсрочек от призыва на военную службу, которыми гражданин, реализуя право на получение образования каждого последующего вида и уровня, может последовательно воспользоваться.

Осуществляя дифференциацию в правовом положении граждан в зависимости от такого критерия, как достижение определённого возраста, федеральный законодатель вправе использовать этот критерий только в случае, если он позволяет разделить граждан на объективно разные категории. Отступление в законодательном регулировании от принципа равенства применительно к исполнению конституционных обязанностей, особенно когда оно связано с реализацией какого-либо конституционного права, имеет и признаки несоразмерного (непропорционального) ограничения прав и свобод человека и гражданина, что не согласуется с предписаниями части 3 статьи 55 Конституции РФ.

Постановление от 19 апреля 2018 года № 16-П по делу о проверке конституционности части 5 статьи 36 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201804200024; дата опубликования: 20.04.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на жилище; военная служба; военная прокуратура; военные следственные органы; правовая определённость; правовое государство; принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Заявитель: Северо-Кавказский окружной военный суд (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 5 статьи 36 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» постольку, поскольку на её основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о принадлежности обязанности по обеспечению после 1 января 2017 года служебными жилыми помещениями военнослужащих органов военной прокуратуры и военных следственных органов Следственного комитета РФ, приня-

Таким образом, отсутствие у граждан, получивших отсрочку от призыва на военную службу в связи с достижением ими восемнадцатилетнего возраста до окончания освоения образовательной программы среднего общего образования в общеобразовательной организации, возможности получить повторную отсрочку от призыва на военную службу в связи с обучением по программам магистратуры — притом что такая возможность предоставлена гражданам одной с ними категории в сфере реализации права на высшее образование — не имеет объективного и разумного оправдания, ставит граждан, относящихся к этой категории, при реализации данного права в неравное положение применительно к исполнению воинской обязанности, что не согласуется с конституционными принципами равенства и справедливости и вытекающими из них критериями соразмерности (пропорциональности) допустимых ограничений прав и свобод.

тых до этой даты на учёт для предоставления служебных жилых помещений в жилищных органах федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение нарушает права граждан, гарантированные частью 2 статьи 7, частью 5 статьи 40 и частью 2 статьи 55 Конституции РФ, поскольку в силу порождаемой им неопределённости относительно порядка обеспечения служебными жилыми помещениями военнослужащих, принятых на соответствующий учёт в жилищных органах Министерства обороны РФ до 1 января 2017 года, но не обеспеченных служебным жильём до этой даты.

Итоговый вывод решения: признать часть 5 статьи 36 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» не соответствующей не соответствующей Конституции РФ, её статьям 7, 19 (часть 1 и 2), 40 и 55 (часть 2), в той мере, в какой в

системе действующего правового регулирования данная норма в силу неопределённости своего нормативного содержания не даёт однозначного ответа на вопрос, какой именно государственный орган обязан обеспечить служебными жилыми помещениями военнослужащих органов военной прокуратуры и военных следственных органов Следственного комитета РФ, принятых на учёт для предоставления служебных жилых помещений до 1 января 2017 года.

Федеральному законодателю надлежит незамедлительно принять меры по устранению неопределённости нормативного содержания признанного неконституционным положения, в том числе имея в виду необходимость создания надлежащих организационно-правовых механизмов, обеспечивающих своевременное предоставление служебных жилых помещений нуждающимся в них военнослужащим.

Впредь до внесения в федеральное законодательство изменений, вытекающих из Постановления, те военнослужащие, которые были приняты на учёт для предоставления служебных жилых помещений до 1 января 2017 года, не могут быть сняты с такого учёта, а если имело место явное и необоснованное превышение срока предоставления военнослужащему служебного жилья — по решению суда обеспечиваются служебными жилыми помещениями тем федеральным органом исполнительной власти, в котором они были поставлены на такой учёт. Соответствующие государственные органы, в которых указанные военнослужащие проходят военную службу в настоящее время, вправе при наличии возможности самостоятельно решить вопрос о предоставлении им служебного жилья. В любом случае указанным военнослужащим до обеспечения их служебными жилыми помещениями предоставляются гарантии, предусмотренные пунктом 3 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Мотивы решения. Реализуя свои дискреционные полномочия по внесению изменений в состав федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых предусмотрено создание специализированного жилищного фонда за счёт бюджетных средств, федеральный законодатель вправе предусмотреть, что к вновь сформированным органам переходит обязанность обеспечить служебными жилыми помещениями тех своих сотрудников, которые ранее состояли на соответствующем учёте в других федеральных органах исполнительной власти или федеральных государственных органах. Такой подход обусловлен требованием соблюдения вытекающих из Конституции РФ принципов равенства и спра-

ведливости, а также принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который, помимо прочего, предполагает, что приобретённое гражданами на основе ранее действовавшего правового регулирования право будет уважаться властями и будет реализовано (см.: постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 20 апреля 2010 года № 9-П, от 25 июня 2015 года № 17-П; определения от 1 декабря 2005 года № 460-О, от 4 апреля 2007 года № 331-О-П и др.).

Устанавливая в связи с изменением состава федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых предусмотрена военная служба, переходный период, предназначенный для исполнения ранее возникших обязательств по обеспечению определённой категории военнослужащих служебными жилыми помещениями, федеральный законодатель имел целью как защитить права этих военнослужащих, так и создать необходимые правовые и организационные основы для предоставления начиная с 1 января 2017 года непосредственно прокуратурой РФ и Следственным комитетом РФ служебных жилых помещений военнослужащим органов военной прокуратуры и военных следственных органов в порядке очерёдности исходя из времени их постановки на соответствующий учёт с указанной даты. Реализация этой задачи, предполагающая первоочередное обеспечение служебными жилыми помещениями тех военнослужащих, которые встали на учёт для их предоставления раньше (в данном случае — до 1 января 2017 года), в полной мере отвечала бы общеправовому принципу справедливости, частным выражением которого является правило *prior tempore — potior iure* (первому по времени предпочтение в праве).

При этом, однако, возникает вопрос о принадлежности обязанности обеспечить служебными жилыми помещениями тех военнослужащих органов военной прокуратуры и военных следственных органов, которые встали на соответствующий учёт до дня вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» и которым они не были предоставлены до 1 января 2017 года. В пользу сохранения данной обязанности за тем государственным органом, в котором военнослужащий был поставлен на учёт для предоставления служебного жилого помещения, говорит сам факт неисполнения ранее возникшего перед этим военнослужащим обязательства: само по себе изменение юри-

дического статуса органов военной прокуратуры и военных следственных органов, предпринятое в целях оптимизации их деятельности, не должно влечь прекращения обязательств, возникших перед гражданином в связи с прохождением им государственной службы и вытекающих из его законодательно установленного статуса.

Как показывает ознакомление с позициями государственных органов, наделённых полномочиями по принятию, одобрению, подписанию и обнародованию федеральных законов; высших исполнительных и судебных органов, отсутствует единство мнений относительно определения уполномоченного государственного органа, осуществляющего предоставление служебных жилых помещений военнослужащим органов военной прокуратуры и военных следственных органов, вставшим на соответствующий учёт.

В случаях, когда толкование нормы права официальными актами государственных, в том числе судебных, органов не устраняет — вследствие наличия разных вариантов её интерпретации — неясность правового регулирования, при решении вопроса о том, какой из этих вариантов предпочтителен для определения прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений, необходимо руководствоваться конституционными принципами равенства и справедливости, а также требованиями формальной определённости правовых норм, с тем чтобы избежать отступления от универсальных начал законодательного регулирования и правоприменения, вытекающих из статьи 1 Конституции РФ (см.: *постановления от 23 декабря 2013 года № 29-П, от 25 июня 2015 года № 17-П и от 30 марта 2018 года № 14-П*). В подобной ситуации наиболее корректным способом выявления намерений законодателя при введении соответствующего правового регулирования является — во исполнение принципа разделения властей — законодательное уточнение норматив-

ных положений, неясность (неоднозначность) которых, не преодолимая средствами юридического толкования, создаёт серьёзные препятствия для полноценного обеспечения принципа равенства перед законом и судом в процессе их применения.

Отсутствие в действующем федеральном законодательстве юридической определённости в отношении уполномоченного государственного органа (органов) и порядка (очерёдности) предоставления служебных жилых помещений военнослужащим органов военной прокуратуры и военных следственных органов Следственного комитета РФ, принятым на соответствующий учёт до 1 января 2017 года, влечёт серьёзные издержки в правоприменении, не поддающиеся исправлению посредством конституционно-правового истолкования, что не отвечает принципам правового государства, верховенства права и равенства перед законом, закреплённым в Конституции РФ.

Обзор подготовили: Сергей Афанасьев и Александра Урошлева. Ведущий рубрики — Лев Олегович Иванов.

Библиографическое описание:

Обзор правовых позиций Конституционного Суда России: № 9-П — 16-П (2018) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3 (124). С. 136—150.

Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments

Nos. 9-P — 16-P • 2018

Citation

(2018) *Obzor pravovykh pozitsiy v postanovleniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossii: Nos. 9-P — 16-P (2018)* [Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments: Nos. 9-P — 16-P (2018)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 27, no. 3, pp. 136—150. (In Russian).